

В СЕКРЕТНО

**АРМЯНО-ТАТАРСКАЯ СМУТА
НА КАВКАЗЕ,
КАК ОДИН ИЗ ФАЗИСОВ АРМЯНСКОГО
ВОПРОСА**

г. Тифлис

Типография Штаба Кавказского Военного Округа

1915 г.

БАКУ - «ШУР» - 1993

Директор издательства Гашам ИСАБЕЙЛИ

Редактор Муса Мирзоев.
МАЕВСКИЙ В. Ф.

**АРМЯНО -ТАТАРСКАЯ СМУТА НА КАВКАЗЕ, КАК ОДИН ИЗ
ФАЗИСОВ АРМЯНСКОГО ВОПРОСА. —**
Баку, «ШУР», 1993, 48 с.

ISBN 5—7094—0006-8

Эта книга разъясняя причины армяно - мусульманских столкновений на Кавказе в 1905 г., раскрывает новые факты о зверствах армян в восточной части Турции

По заказу Главного Архивного Управления
при Кабинете Министров Азербайджанской Республики

4703000000—
М----- -- без объявления.
м – «ШУР»(07)-93

© Главное АУ. 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга написана надворным советником Владимиром Феофиловичем Маевским, который в течение ряда лет на рубеже XIX и XX вв. являлся вице-консулом России в различных городах Восточной части Турции. Именно благодаря этой службе В. Ф. Маевский сумел распознать истинное лицо тайных армянских организаций, понять, что «там, где появлялись деятели Дашнакцутюна и ему подобных организаций и где ими искусственно создавались кровавые столкновения..., там именно армяне и лишались прав своего человеческого существования». Желание объективно осветить, так называемый, «армянский вопрос», по прошествии лет вновь и вновь возвращало автора к своей работе, написанной в 1906 г., что видно из добавлений датированных 1908 и 1915 гг. Проходили годы, однако оценка событий не менялась. Автор вновь оставался при мысли, что «...каким бы благодеянием, каким бы блестящим положением пользовалась армянская нация, если бы не существовало Дашнакцутюна и ему подобных обществ». Следует также отметить, что, несмотря на прошедшие десятилетия, большинство мыслей и выводов автора актуальны и сегодня. Это в свою очередь подтверждает одно - армянские националисты продолжают проводить ту же политику, используя при этом грязные методы не только против турков, курдов и азербайджанцев, но и против своего народа. Так, раскрывая кровавые события 1894 г. в Сасуне (Турция), автор пишет: «...армяне, и курды Сасуна жили вполне согласно; как братья воды и земли... Но, к их несчастью, именно этот район армянские тайные организации избрали для пробы своей политической агитации. Эта проба [3-4] удалась вполне... Это искусственно созданное кровопролитие было раздуто затем до необычайных размеров и послужило, между прочим, предлогом для вмешательства в дела Турции иностранных держав». Не похоже ли это на спровоцированные теми же дашнаками события в Сумгаите в 1988 году?

Или же обвинения азербайджанцев в панисламизме? В. Ф. Маевский справедливо ставит вопрос - «...почему эти идеи у татар (под названием «татары» царское правительство обобщало все тюркские народы, некогда населявшие Россию: кумыки, ногайцы, азербайджанцы, карачаевцы и др. - Б.Р.) проявляются в битве, а грабеже исключительно одних армян, оставляя в стороне все прочие народности Кавказа?» Далее автор отмечает, что «обсуждение этих вопросов к оправданию армян, конечно, не послужило бы».

Азербайджанцам, как никакому другому народу, известна печально-преступная роль армянской, да и целого ряда представителей российской печати в деле разжигания межнационального конфликта. Огромная масса лживой, провокационной и злонамеренной информации, обрушившейся на читателя отнюдь не способствовала объективному анализу происходящих событий. Такое положение имеется сегодня, так было и во времена событий, описанных В. Ф. Маевским: «...скажу о той роли, которую в армянском вопросе сыграла армянская печать. Благодаря ее недобросовестному усердию, армянский народ никогда не мог правильно уяснить себе того, что творили его агитаторы. И благодаря именно печати, истина в армянских делах покрывалась таким густым слоем лжи, через который невозможно было пробиться лучам правды».

Издание книги в типографии Штаба Кавказского Военного Округа и под грифом «Весьма секретно» в разгар I Мировой войны, когда армянские добровольные дружины принимали участие в боях против Турции, дает повод предполагать, что данная работа являлась своего рода предупреждением военному руководству о двуличности армянских националистов, о тех подводных рифах, подстерегающих Россию в ходе войны. Англия поняла, что наследство Турции, со стороны Кавказа, не обогатит Русское государство и что движение в этом районе нашей границы на юг послужит не к увеличению русского могущества, а напротив, к его умалению. Этим истин русские [4-5] люди, к сожалению, и по сей день постигнуть не могут!».

В работе В. Ф. Маевского «Армяно-татарская смута на Кавказе, как один из фазисов армянского вопроса» имеется много других сходных с сегодняшним днем вопросов, которые уважаемый читатель увидит сам, прочитав книгу.

Выражаем благодарность Главе исполнительной власти Бинагадинского района г. Баку за оказанное содействие в издании книги. [5-6]

РАФИЕВ Б. Дж.
Директор ЦГА политических
партий и общественных
движений.

АРМЯНО-ТАТАРСКАЯ СМУТА НА КАВКАЗЕ, КАК ОДИН ИЗ ФАЗИСОВ АРМЯНСКОГО ВОПРОСА.

Март 1906 г.

I.

Продолжая следить за дальнейшим развитием злополучного армянского вопроса, приходится констатировать тот факт, что в то время, когда в пределах Аз.[иатской] Турции взаимные отношения армян и мусульман, так или иначе, стали принимать мирный и нормальный характер*, таковые-же отношения между армянами и татарами Закавказья начали, все более и более, ухудшаться. В течение истекшего 1905 года они достигли наконец такого напряжения, за пределами которого и явились Бакинские, Шушинские, Эриванские, Нахичеванские и пр. аналогичные кровавые события: они поразили многих, как своей неожиданностью, так равно странностью и непонятностью. Огромное большинство и до сих пор не может уяснить себе подобного рода явлений и понять главные их причины.

Недавно закончившееся в Тифлисе, заседание армяно-татарских делегатов пыталось подойти к решению этого вопроса, но тщетно!.. Тщетно потому, что официальное выяснение причин армяно-татарской распри на Кавказе неминуемо привело бы к такого рода обвинительному акту одной из сторон, который ни в коем случае не мог послужить в пользу хотя бы плохого мира, т. е. именно к тому, к чему должны были стремиться на совещании представители обеих народностей. Наместник Кавказа, его Сиятельство Граф Воронцов-Дашков, предвидел это заранее; при открытии съезда, обращаясь к делегатам, он особенно подчеркнул специальное назначение предстоящих заседаний: ...«Главное, господа, помните... не в том вопрос, кто виноват в этой резне,... а какие именно средства будут действительны для прекращения зла, губящего материальное благосостояние страны». [6-7]

Несмотря однако на такого рода определенно намеченную цель, армяно-татарского совещания, его делегаты, благодаря особенно усердной деятельности некоторых из них, после довольно продолжительных и весьма характерных дебатов, выработали весьма обширную программу вопросных пунктов, не имеющих однако прямого отношения к делу восстановления армяно-татарского мира. Но этого мало, совершенно как бы пренебрегая указаниями наместника, в первом пункте программы было поставлено обсуждение именно того вопроса, который они должны были совершенно обойти.

Можно сказать, что уже в самом начале совещаний, среди татарских делегатов преобладало вполне искреннее мнение - о нежелательности касаться самого щекотливого пункта выработанной программы, т. е. главнейших причин, вызвавших армяно-татарскую резню - «Надо оставить прошлое, «забыть его, и на верных и прочных условиях заключить мир», - говорил Гаджиев. - «Ведь вопрос в том, как нам жить дальше? ...Установим мир, водворим согласие - и все вопросы решатся сами собою ...Прошлого касаться не следует; это поведет к раздору!.. и та, и другая сторона будут пристрастны, виновны и армяне, и мусульмане. Нужно теперь все забыть».

В ответ на эти простые и, надо полагать, вполне искренние речи татар, со стороны армянских делегатов, возражает прежде всего А. И. Хатисов. Обладая в некоторой степени талантами оратора, он строит свою речь на известных посылах, из коих как бы само собой, всегда и вполне логично, вытекают необходимые заключения. После первых же его слов становится понятным, что на собрании он будет главным деятелем, главным лицом, и что он вообще не видит равных себе соперников среди прочих членов совещания. Как для него, так и для прочих армянских делегатов было ясно, что обсуждая главные причины, вызвавшие армяно-татарскую смуту на Кавказе, неминуемо придется коснуться прежде всего деятельности различных армянских тайных организаций и комитетов; их участие в главнейших кровавых столкновениях явилось фактом не подлежащим никакому сомнению. И таким образом, могло выясниться что в современных [7-8] бедах Кавказа были виновны прежде всего сами же армяне. Понятно, что

---

* За исключением Вана и его окрестностей, где присутствие армянских революционных организаций создает для армян-сельчан, в особенности, настолько тягостные жизненные условия, что большинство их только и мечтает о выселении

такого рода обстоятельство могло не мало смущать многих армянских делегатов. Нужно было подготовиться к надлежащему отпору.

В дальнейшем изложении я буду рассматривать все высказанное на заседании с трех точек зрения. Я покажу, как смотрели на дело смуты армяне, затем татары, и каждый раз, в заключение, позволю себе высказать свое собственное мнение.

На заявление Гаджиева, Хатисов отвечал так: «Не поставив правильного диагноза болезни, нельзя лечить больного. Всестороннее исследование причин уже 12 месяцев продолжавшихся столкновений - вот главная цель настоящего собрания. Только выяснив все эти причины, - устранив то, что вызвало и служит причиной дальнейших столкновений, можно установить мир. Мы должны быть искренни и правдивы. Нам нечего бояться, что той или другой сторон, или кому бы то ни было*, будет больно и неприятно выслушать от нас всю правду. Нам оказано доверие, и с нашей стороны было бы злоупотреблением этому доверию, если мы скроем здесь хоть одну крупницу той беспощадной истины, выяснение которой наша главная цель».

Что можно было возразить против таких логичных и несокрушимых положений?.. против этого задушевного призыва к искренности и правдивости?!.. Армяне сами бойко шли навстречу, для обсуждения, может быть, весьма неприятных для них вопросов... «Не утаим ничего!.. не скроем ни одной крупницы беспощадной истины!».

После такого горячего воззвания, речь Гаджиева, конечно, должна была поблекнуть и, хотя бы, временно потерять значительную долю своей жизненной правдивости. Говорю - временно потерять, ибо на следующих заседаниях правдивость этой речи стала вполне очевидной, а предложение Хатисова, заняться диагнозом причин, вызвавших смуту, не привело ни к чему хорошему. Действительно, дебаты по первому пункту программы окончились ничем; его прямо-таки пришлось снять с очереди, [8-9] пользуясь, весьма удобной формулой, что «вопрос исчерпан» ибо дальнейшее его обсуждение грозило тем, что все остальные пункты программы могли бы остаться нерассмотренными. И заседание делегатов могло бы закончиться более чем печально.

Высказанная Хатисовым готовность армянских представителей - не утаивать ни одной крупницы истины, конечно, гарантировала их от упреков, в нежелании, или боязни, взглянуть истине прямо в глаза. Этим маневром армяне хорошо утвердились на той передовой позиции, на которой можно было не только обороняться, но в каждую минуту перейти даже в наступление! Действительно, уже в конце того же заседания, когда простодушный Гаджиев, сбитый с толку готовностью армянских делегатов - «не скрывать ни единой крупницы истины» - заявил, что, если говорить откровенно, во всем виновата организация Дашнакцутюна, - его немедленно же перебил Хатисов... «Не надо говорить этого - одни будут говорить о Дашнакцутюне, другие о панисламизме!... к чему это поведет?! Виноваты те, которые позволили нарушить основные законы каждого благоустроенного государства! Караются преступники за единичное убийство, а у нас прошли безнаказанно массовая резня и погромы! Перед лицом Государева представителя я открыто заявляю, что власть проявила преступное бездействие и попустительство».

Это был первый эффектный момент заседания; был послан дерзкий и прямой вызов Кавказской администраций. Армянские делегаты отказывались от обвинения татар, заявляя что «во всем виноваты русские власти... и мы это должны доказать». Несомненно, что подобный характер дальнейших дебатов для них (желавших держаться на почве защиты своих тайных организаций) был бы самым подходящим. Их Дашнакцутюн и прочие джанфедаи остались бы совершенно в стороне, и собрание могло бы посвятить себя всецело возможно полному разносу Кавказских властей.

В настоящей статье я поставил себе задачей остановиться, главным образом, на первом пункте программы армяно-татарской смуты на Кавказе. Разбирать все, что [9-10] было высказано по сему поводу, я не стану. Это потребовало бы слишком много и места, и времени. Для меня вполне достаточно остановиться над разбором хоть некоторых «выдержек» из этих речей, которые заимствую, из отчетов, помещенных в газете «Тифлисский Листок».

Совершенно верно, что нельзя лечить болезни не установив правильного ее диагноза. Но кто же, прежде всего, препятствует этому диагнозу первого пункта программы?.. Не тот ли самый Хатисов, который торжественно призывал всех, не утаивать ни единой крупницы беспощадной истины? - Раз решено было «выслушать всю правду», то этого следовало уже и держаться. В действительности сразу приходилось натолкнуться на явное противоречие. Предложение - «не скрывать ничего» немедленно же ограничивалось запрещением, - не говорить о вещах для

---

* Это легкий намек по адресу тут же сидящего представителя Кавказской администрации.

армянских делегатов неприятных. Спрашивается, как же это, возможно, было умалчивать о деятельности Дашнакцутюн, когда она красной ниткой проходила по всем событиям Закавказья в период 1904 - 1906 годов. Тем не менее, едва только татары заикнулись о деятельности тайных армянских организаций, как им сейчас же зажали рот, угрожая ответить на это обвинением их в панисламизме. И нужно только удивляться, почему среди татарских делегатов не нашлось ни одного человека, который мог бы дать на подобное обвинение надлежащую отповедь. Если панисламизм, действительно, играет известную роль в кровавых армяно-татарских столкновениях, то это необходимо было выяснить, раз было решено, «не утаивать ни единой крупинки истины». А если этот панисламизм - в деле смут - ни причем, то татарским делегатам отнюдь нельзя было смущаться возможностью обсуждения подобного вопроса. К тому же, такого рода обвинения и угрозы со стороны армян легко отпадали сами собою даже при поверхностном анализе этого вопроса. Действительно, допустим, что на Кавказе существует сильное развитие идей панисламизма, но тогда никак необразишь, почему эти идеи у татар проявляются в битве и грабеже исключительно одних армян, оставляя в стороне все прочие народности Кавказа? Казалось бы, что в таком случае, главным страдательным [10-11] лицом должен был явиться чисто русский элемент, с которым идеи панисламизма должны бороться, прежде всего. Между тем, в действительности, ничего подобного обнаружить было нельзя. Почему татары не трогали грузин?.. и почему жертвой панисламизма являлись исключительно одни армяне?.. Обсуждение этих вопросов к оправданию армян, не послужило-бы.

Приглашение армян, предлагавших татарам присоединиться к ним, для обличения «преступного бездействия и попустительства Кавказской администрации» не увенчалось успехом.

Скоро стало выясняться, что татарские делегаты не принимают в этом деле никакого участия. Более того, некоторые из них неосторожно пытались высказать кое-что даже в защиту русских властей. За таковую их попытку, армянская газета «Арачь» («Вперед») немедленно же напечатала какой-то пасквиль, обвиняя татар, что они «воскуряют фимиам перед властями», - что они, якобы, - «самозванцы» и пр. В заседании 24-го февраля Агаев прочитал выдержки этой статьи и просил собрание высказать по этому поводу свое осуждение; иначе мусульманские делегаты будут считать себя оскорбленными.

Не могло быть, конечно, никакой даже речи о том, что такие провокаторские выходки армянской печати были совершенно неуместны, в особенности в то время, когда представители обеих народностей сошлись для изыскания средств, могущих послужить для прекращения вражды и заключения, хотя бы, плохого мира. Для успокоения татарских делегатов, со стороны армян было бы так естественно, так просто и так легко высказать свое осуждение; требовалось лишь два слова: «Да, осуждаем». И вопрос оказался бы сейчас же исчерпанным. Но на деле происходит нечто совершенно иное. По данному вопросу поднимаются ожесточенные дебаты. Армянские делегаты начинают, попросту, дразнить татар. Вместо успокоительного - «да, осуждаем» - начинают урезонивать их, что не следует обращать внимание на мнение отдельных газет и даже отдельных лиц; что собрание вовсе не имеет назначения осуждать мнение печати, что такого пункта не имеется даже в программе совещаний и пр. [11-12]

Дело начинало все более и более усложняться, серьезно угрожая мирному настроению собравшихся!.. Армяне продолжали упорствовать. Тогда Агаев решается прибегнуть, видимо, к последней мере и решительным тоном заявляет: ...«Нас назвали самозванцами и изменниками! Я обращаюсь к армянским делегатам!.. Раз они затрудняются ответить, значить сочувствуют?!..» В голосе Агаева, в эту минуту, по всей вероятности, звучала достаточно грозная нота, ибо вслед за ним немедленно же послышались торопливые голоса: ...«нет!.. нет!.. не сочувствуем!..» Вот какие минуты переживало собрание... И кто их создавал?!..

II

При дальнейшем обсуждении первого пункта программы, как господа делегаты не обходили главной причины армяно-татарской смуты, т. е. деятельности Дашнакцутюна, тем не менее, миновать ее не было никакой возможности; она являлась своего рода шилом, коего в мешке не запрячешь. И с этим шилом пришлось возиться немало, стараясь его снова утопить, раз только острие его слишком вышло наружу мешка.

На заседании 25 февраля, первый огонь с передовой позиции армян открыл С. С. Тагиносав: «Армяне искренно желают выяснить всю истинную подоплеку позорной

братоубийственной войны... На прошлом заседании г. Гаджиев бросил обвинение по адресу организации Дашнакцутюна. Но пришло время ответить на этот вопрос прямо и определенно и покончить с ним раз навсегда!.. Мы спрашиваем, какие цели преследуют тайные или нетайные организации, устраивая эту резню, от которой так сильно страдают, прежде всего, сами же армяне?»...

Здесь опять повторение прежнего, вполне удачного маневра: армяне снова заявляют о своем искреннем желании выяснить главные причины смут; но объяснять их деятельностью общества «Дашнакцутюна» они считают прямо абсурдом!.. Абсурдом потому, что общество это заботится, главным образом, о благах армянского [12-13] народа. Для какой же цели оно будет создавать резню, от которой страдают, прежде всего, сами же армяне?.. Может-ли быть хоть какой-нибудь смысл в подобных обвинениях Дашнакцутюна?

Действительно, на такой вопрос в двух словах не ответишь. Он заслуживает полного внимания уже потому, что виртуозность построенной на нем защиты Дашнакцутюна окончательно сбивает с толку людей, не знакомых с деятельностью этого общества и желающих доискаться истинных причин армяно-татарской вражды на Кавказе.

Я сижу за этой статьей с тем, чтобы дать по сему вопросу, более или менее обстоятельный ответ. Но предварительно остановлюсь на некоторых выдержках речей, сказанных по этому поводу отдельными делегатами.

На вызов г. Тагиносова - «раз навсегда покончить с обвинениями по адресу Дашнакцутюна» раньше других пытается возражать Гаджиев: ...«Большинство армян сами жаловались нам на свои комитеты. Я уполномочен здесь выяснить, роль армянских организаций. Вот один из многочисленных, имеющихся у меня документов. Я прошу его огласить. Я хотел бы выслушать, здесь все, что касается и наших организаций. Я горячо настаиваю, что не будет между нами мира, пока все эти «хумбы» и «джанфедаи» не будут распущены и разоружены».

Вслед за сим читается представленный Гаджиевым устав какого-то армянского революционного союза. Тут происходит следующая сцена. Хатисов выражает свое сомнение в подлинности представленного Гаджиевым документа. Последний, глубоко оскорбленный и возмущенный такого рода подозрением, настолько смущается и настолько теряет свое, так сказать, собственное равновесие, что не находит ничего другого - как послать в ответ Хатисову угрозу «покончить свою жизнь самоубийством, если кто-нибудь заподозрит его в том, что он представил ложный документ».

Что можно сказать относительно подобного приема защиты деятельности Дашнакцутюна?

После некоторой заминки, происшедшей в собрании, благодаря такого рода инциденту, тяжесть которого, по [13-14] всей вероятности, отразилась на всех, А. И. Хатисов, конечно, чувствовал, что он должен был, так или иначе, загладить или оправдать свое заявление о подложности документа, представленного Гаджиевым. И, дабы отвлечь собрание от могущих возникнуть среди него новых дебатов и пререканий, а равно показать, что ему хорошо знакомы подлинные уставы различных тайных организаций, он произносит одну из своих самых выдающихся речей.

«Блестящая по содержанию и по истине горячая, продуманная речь оратора, - говорит репортер «Тифлисского Листка», - произвела на многих очень сильное впечатление. В речи своей Хатисов ответил Гаджиеву и его единомышленникам на обвинение революционных армянских организаций. Начав с истории возникновения партии Дашнакцутюна в Турецкой Армении, для борьбы за права человеческого существования армян, стонущих под игом невыносимо-тяжелого турецкого режима, оратор коснулся причин, когда органы Дашнакцутюна, (волею судеб), должны были распространить свою деятельность и на Закавказье; но не для борьбы с мусульманами, а для защиты жизненных и культурных интересов армян, против которых выступил здесь князь Голицын. Дальше Хатисов обрисовал положение кавказских армян в тот период, когда краем управлял князь Голицын... и указал; на целый ряд допущенных им вопиющих несправедливостей по отношению к армянам. Как активный протест против такого нетерпимого положения вещей и явилась деятельность партии Дашнакцутюна на Кавказе. Что же касается отношения этой партии к организации армяно-татарских столкновений, то об этом лучше всего свидетельствуют бесчисленные прокламации партии, которая ставит себе одну задачу самообороны».

Такова, по газетному отчету «Тифлисского Листка», сущность и содержание блестящей речи Хатисова. Сущность и содержание!

Меня могут упрекнуть в том, что делать какие либо положительные выводы на основании одного лишь отчета репортера - нельзя; что в этом отчете может быть много репортерской

«отсебятины». Оспаривать это не [14-15] стану. Но, в данном случае, сущность и содержание речи позволяют безошибочно заключить, что представитель армянских делегатов не только относился с большим сочувствием к деятельности Дашнакцутюна - но и вполне оправдывал его борьбу с князем Голицыным.

III.

И я невольно переношусь к той эпохе, когда Дашнакцутюн и ему подобные общества, под влиянием тяготевшего над ним гипноза Англии, усердно заливали кровью своих же собственных собратьев несколько вилаетов Аз. Турции. Нет слов, что английский гипноз действует прямо-таки одуряюще, в особенности в тех случаях, когда он сопровождается, так сказать, осязательной ее поддержкой. Я не буду останавливаться над этим, дабы не удлинять своего очерка. Могу лишь сказать, что именно в эту эпоху (1895 - 1897) мне пришлось почти, непрерывно кружиться по Ванскому, Битлисскому, Эрзерумскому и, отчасти, Диярбекирскому и Моссульскому вилаетам. И пришлось наблюдать действительно нечто неопишное, что может быть выше любви к родине?.. но в какую форму она здесь вылилась? На моих глазах разыгрывалась грандиозная трагедия под заглавием «Надо пролить кровь! и армяне получают все желаемое». - Армянский язык для меня не знаком, но эту фразу мне пришлось слышать от моего переводчика десятки раз, и она обошла самые отдаленные уголки Аз. Турции. Могу свидетельствовать, что на попроще этого пролития армянской крови, тайные армянские организации (служившие идее создания возможно большей смуты, на возможно большем пространстве), проявили столько бесчеловечности и жестокосердия по отношению своих же братьев - армян, что приходилось прямо сомневаться в существовании у них каких бы то ни было человеческих чувств вообще.

По словам Хатисова, общество Дашнакцутюн и ему подобные народились в турецкой Армении «для борьбы за права человеческого существования армян, стонущих под гнетущим игом невыносимо тяжелого турецкого режима». [15-16]

Вот уже поистине можно сказать: какое вопиющее извращение «беспощадной истины». В действительности было как раз наоборот! Там, где появлялись деятели Дашнакцутюна и ему подобных организаций и где ими искусственно создавались кровавые столкновения (совершенно по типу Бакинских, Шушинских, Нахичеванских и пр.), там именно армяне и лишались всякого рода «Федаи», в пределах Аз. Турции, армянам здесь жилось не хуже чем их братьям Закавказья. Проезжая летом 1895 года по Эрзерумскому и Ванскому вилаету, я видел на своем пути еще не разоренные армянские селения и мог судить о материальных достоинствах турецких армян, достатках, коим могли бы позавидовать многие армяне Закавказья. Увы! Через год те же селения были почти неузнаваемы!.. Благодаря чему?.. Исключительно благодаря деятельности общества Дашнакцутюн и им подобных, так усердно работавших над искусственным созданием антиармянского движения курдов, как предлог для вмешательства в дела Турции европейских держав.

В течение 10 - 12 лет после нашей войны 1877/8 годов с Турцией, здесь все обстояло, более или менее, благополучно, и армянского вопроса еще не существовало. Армяне, турки и курды жили и вместе, и отдельными группами, и между ними не происходило никаких серьезных недоразумений. Правда, под управлением турецкой администрации страна не прогрессировала; но жаловаться на «отсутствие прав человеческого существования» ни одна из христианских народностей не могла!.. Для примера можно указать, хотя бы, на греков. Хотя они до мозга своих костей пропитаны ненавистью к туркам, тем не менее, они живут с ними до сих пор вполне благополучно, несмотря даже на открытое столкновение Греции с Турцией в 1897 году, а затем 1912 году.

Армяне находились в совершенно тождественных условиях. Мусульмане не питали к ним никаких враждебных чувств. Многие районы Турции находились почти в полной экономической от них зависимости, а вся домашняя прислуга, сколько-нибудь зажиточных турок, почти всегда состояла исключительно из армян. [16-17]

Но в начале 1890 годов, среди различных областей Турции, где компактно проживали армяне, стали вдруг, то здесь, то там, появляться различные армянские агитаторы, напичканные в Лондоне самыми фантастическими идеями. Как это случилось - лучше всего можно видеть из донесения французского посланника, в Константинополе (Стамбул), Камбона.

Я придаю весьма серьезное значение наблюдениям этого опытного дипломата, внимательно следящего за всем происходящем на Ближнем Востоке в тот период, когда Франция

еще не подпала, в свою очередь, под английский гипноз. Я не стану приводить здесь полностью его донесения*, отмечу лишь несколько более необходимых для меня строчек; вот они:

«В Лондоне армяне нашли лучший прием. Кабинет Гладстона собрал недовольных, сгруппировал, дисциплинировал и обещал им свою поддержку. С этого времени комитет пропаганды утвердился в Лондоне и получал здесь соответствующие внушения**. В массу армянского населения необходимо было внедрить две весьма простых идеи: идею национальности и идею свободы. Таким образом, в течение нескольких лет, тайные общества распространяются по всей Армении».

Дело пропаганды стало исподволь развиваться. Подавить его турецкая администрация оказалась бессильной. Обыски, аресты ни к чему особенному не приводили; смута росла и, наконец, разразились хорошо всем известные события в Сасуне (в горах Тавра, южнее Муша). Эта область, населенная наполовину курдами, наполовину армянами, принадлежала к числу таких районов, где турецкая администрация существовала лишь номинально; здесь курды и армяне издавна отстаивали совместно свое независимое существование, и согласие между ними до 1893 г. не нарушалось. По этому поводу, в коллективном рапорте европейских делегатов, состоявших [17-18] при комиссии, назначенной для расследования Сасунских событий, упоминается, между прочим, о весьма назидательном показании одного из допрошенных Сасунских армян. По словам этого последнего, до появления в Сасуне Дамадияна (1893), а затем Бояджиана - он же Мурад (1894) - «армяне и курды Сасуна жили вполне согласно, как братья воды и земли». И, наверное, могли жить так еще десятки лет до мирного наступления для них новой эпохи. Но, к их несчастью, именно этот район армянские тайные организации избрали для пробы своей политической агитации. Эта проба удалась вполне. В августе 1894 г. здесь вдруг происходит вооруженное столкновение армян, сперва с курдами, а затем с появившимися к ним на помощь турецкими войсками. Это искусственно созданное кровопролитие было раздуто затем до необычайных размеров и послужило, между прочим, предлогом для вмешательства в дела Турции иностранных держав. Такого рода обстоятельство, как нельзя лучше, подогрело революционную деятельность армян и, год спустя, когда зашла речь о преобразованиях на особом положении шести вилаетов Аз. Турции, армянские агитаторы, начиная с сентября 1893 года, создали целые десятки подобных же Сасунов. В это время провокаторская деятельность Дашнакцутюна (и ему подобных организаций), на попрание озлобления турок и курдов против армян, вызвала такое антиармянское движение со стороны мусульман, которого «джанфедаи» - может быть и не ожидали. На их глазах гибли тысячи жизней, опустошались сотни деревень!.. Повсюду раздавались стоны и вопли поистине несчастного в эту эпоху, армянского населения, не знавшего где и у кого искать покровительства и защиты. Но Дашнакцутюн и прочие организации не обращали на это никакого внимания. Их не смущало ничто. Не смущало даже то обстоятельство, что европейские державы, к началу 1896 года, стали заметно убавлять количество своей энергии ко вмешательству в армянские дела. Видимо, что в эту эпоху все главари армянского движения продолжали находиться под одуряющим влиянием охватившего их гипноза, при наличии которого человек лишается способности логического мышления, а отсюда [18-19] следовало - полное непонимание того, что они сами творили. Отсюда же и полное противоречие между основными их идеями и теми мерами, которые принимались, не к достижению и осуществлению этих идей, а скорее всего к их подавлению: Преследуя мечту восстановления Армении, вполне достаточно было создание одних Сасунских событий, за которыми и последовало желательное (обещанное Англией) вмешательство держав. Но создавать тот Содом и Гоморру, который пришлось пережить, главным образом, армянам-сельчанам в период 1895 - 1896 годов, это значило собственноручно и совершенно бесцельно уничтожить известную часть своих собственных братьев!, т. е. именно идти как раз наперекор преследуемой идеи!! Ибо такого рода безумные деяния, в огромном размере, способствовали лишь ослаблению армянского элемента и его материального благосостояния, именно тех районах и областях которые должны были войти в пределы восстанавливаемой Армении. Какой же смысл в этом самоуничтожении?.. Какой смысл подобного же самоуничтожения в созданной армяно-татарской резне на Кавказе?.. Там, где мозги работают под давлением гипноза, смысла нет! Вот ответ Тагионосову, недоумевающему, каким

---

* **Livre Jaune: - Affaires Armeniennes 1893 - 1897, page 11**

** К этому могу добавить из своих личных наблюдений, что в период смуты 1895 - 96 гг., английские консулы в Аз. Турции обнаруживали свою большую осведомленность (а следовательно и причастность) о всем, не только происходящем, но и долженствующем произойти в тех или других вилаетах, населенных армянами.

это образом можно в чем либо обвинять благодетельные (по его мнению) для армян, тайные организации?

Идея восстановления Армении, без сомнения, могла вскружить головы, не только армянской молодежи Турции, но и Кавказа. Однако же для ее осуществления требовалась, прежде всего, более или менее солидная подготовка, а не те разрозненные действия отдельных армянских партий и шаяк, которые зачастую не имели между собой никакой связи; даже больше того - не наблюдалось простого согласия, однородной программы и пр. Если решено было бунтовать, то следовало держаться в этом известного плана: необходимо было действовать под руководством какого-нибудь одного лица, или комитета, дабы связать все наличные силы бунтующих армян. На деле ничего подобного, как я уже сказал, не было. Никогда не было должного согласия, даже между двумя организациями, находящимися в пределах одного и того же города или района. Банды формировались [19-20] без всякой системы. Иногда для сего было достаточно соединиться двум-трем индивидуумам; они называли себя принадлежащими к известной партии, писали или печатали свои особые уставы (какой-нибудь из таковых может быть и попал в руки Гаджиева), набирали себе отдельную шайку и затем отправлялись с ней совершать свои "подвиги". Вот те руки, в которые попал злополучный армянский вопрос.

Для должной характеристики именно Дашнакцутюна, мне кажется, лучше всего привести некоторые места тех прокламаций, в подложности коих усомниться уже никак нельзя; они могут свидетельствовать о том, что собственно представляют из себя Дашнакцутюн и ему подобные организации. Беру выдержку из той прокламации, которая была адресована, ни более, ни менее, как представителям европейских держав в Константинополе, в августе 1896 года, перед знаменитой атакой Оттоманского Банка*.

...«Державы-сообщницы Порты!!.. И на острове Крит, и в Армении, они с таким же презрением относятся к тщетной борьбе христиан, как и наши палачи-турки!.., Но терпение подавленной нации имеет свои пределы. Еще раз злоба армянской нации скинет наложенные на нее цепи: и деяния, которые за сим последуют, лягут на ответственность, не только Султана, но и представителей иностранных держав!...»

...Мы умрем! Мы это знаем** ...Но дух революции, пронизавший армянскую нацию до мозга ее костей, не перестанет угрожать трону Султану до тех пор, пока в живых останется хоть один армянин». Затем подпись: «Центральный Константинопольский комитет федерации армянских революционеров Дашнакцутюн».

Что это?.. Лепет подростков, или речи, принадлежащие взрослым людям?.. Ультиматум ко всем европейским державам!.. Вот так оборона!

Общее содержание выше приведенных строк несомненно говорит о том, что лица, их составлявшие, принадлежат к числу людей, прежде всего, психически ненормальных [20-21] людей, действующих в состоянии гипноза, - людей неспособных понять той простой вещи, что, посылая упрек по адресу европейских держав, вооружаясь против всей Европы, они ничего от этого не выигрывают, какие бы там головоломные «подвиги» (с их, армянской точки зрения) они не совершали. Что, наоборот, такой образ их действий может окончательно лишить армян европейской поддержки.

Последнее, на самом деле, и случилось.

Подвиг" 14 августа 1896 года двадцати пяти армян-Дашнакцаканов имел в результате лишь то, что вслед за первыми взрывами бомб, у здания Оттоманского Банка, улицы Константинополя обратились в арену самой ожесточенной бойни армянского населения города. Других последствий от изданных ими прокламаций и внезапного захвата Оттоманского Банка - не было. К концу дня, отважные агитаторы завязали переговоры через драгомана русского посольства, Максимова, с представителями европейских держав и затем сдались под условием сохранения им, их столь драгоценной для всех армян жизни. А через несколько дней, на французском судне «Жиронда», они плыли уже в Марсель, оставляя за собой тысячи трупов безвинно погибших их братьев армян. Зачастую так именно и случалось: какая-нибудь шайка завязывала бой, и затем - скрывалась; а вполне мирное население должно было своей кровью и своим достоинством расплачиваться за подвиги своих исчезнувших «героев».

Вернусь еще к той части прокламации, в которой говорится, что... «дух революции пронизал армянскую нацию до мозга ее костей и т. д.».. До такого рода ходульности, по всей

* См. Blue Book. Turkey, 1887 г., № 27

** Дело было подготовлено так, что благополучный исход его можно было считать достаточно обеспеченным.

вероятности, не достигала в своих прокламациях ни одна из существовавших когда либо революционных организаций!... «Трону Султана не перестанет угрожать опасность до тех пор, пока на свете останется жив хоть один армянин!».

Какое самоупоение! - Можно заметить, что армяне вообще падки на красноречие; многие из них им увлекаются до полного забвения логики - лишь бы только было сказано красиво; и настоящий подбор красивых слов, доходящий до абсурда, может служить сему лучшим [21-22] подтверждением. Таким грозным окончанием прокламации, ее составители имели в виду придать ей- особый эффект. Но к сожалению, таким эффектом могли восхищаться какие-нибудь юноши 3 или 4 класса гимназии, а отнюдь не масса армянского сельского населения, готового скорее отдать себя в кабалу соседним курдам, нежели поддерживать анархическую деятельность Дашнакцутюна. Смело и открыто могу свидетельствовать об этом, ибо мне самому лично пришлось пережить самый бурный период смут в Аз. Турции (1895 - 1897), и видеть, как следы беспощадной деятельности Дашнакцутюна, так равно убедиться в той беспощадной истине, что армянские тайные организации явились злейшими врагами, прежде всего, турецких армян.

IV

Я по необходимости, должен был остановиться в некоторых подробностях над деятельностью, столь чтимых армянскими делегатами, тайных армянских организаций, и Дашнакцутюна в особенности. На основании всего мною приведенного, позволю себе еще раз подчеркнуть, что эти организации явились главными палачами своих собственных собратьев в Аз. Турции, и что там, где они проявляли свою деятельность, там армянское население и лишилось прав своего человеческого существования.

В общем, члены различных армянских обществ представляют собой замечательно уродливое явление. Все они глубоко убеждены в том, что деятельность их посвящается на благо своего народа, на пользу дальнейшего его духовного развития, на упрочение его материального благосостояния и пр. Между тем, никто из них не способен понять того, что чем больше они проявляли над этим свою энергию, тем общее положение армян, как в России, так и в Турции, все более и более ухудшалось.

А. И. Хатисов обрисовал положение армян в тот период, «когда краем управлял князь Голицын». Но, если касаться тогдашнего их положения, почему не вспомнить о том еще недавнем периоде, когда армяне пользовались у нас полными правами гражданства, без [22-23] всяких ограничений; когда между армянами и русскими, с общегосударственной точки зрения, не делалось никакого различия; когда на государственной службе, судьба якобы даже благоприятствовала больше некоторым армянам, чем коренным русским людям; когда армяне с достоинством занимали посты министров и были видными деятелями среди крупных военных начальников. Чего стоят имена Лорис-Меликова, Тергукасова, Алхазова, Лазарева и др.?.. Вообще, как чувствовали себя армяне в то время, когда вся их интеллигенция говорила в Тифлисе не иначе, как по-русски, или по-грузински, и никогда на родном языке?.. Ведь все это было не дальше, как 20 - 25 лет тому назад! - А что мы имеем на лицо в данное время?..

Какие же причины послужили к подобному видоизменению общественного положения армян? Объяснять все деятельностью кн. Голицына, как это делает г. Хатисов, отнюдь нельзя потому, что армяне начали мутить еще задолго до приезда князя на Кавказ. К тому же объяснять административные преследования каких-нибудь инородцев тем, что русской администрации «здорово живешь» - пришла мысль о необходимости преследовать армян, это такого рода абсурд, который нельзя объяснить никакими соображениями. Действительно, как это, в самом деле, мы десятки лет жили с армянами вполне спокойно и миролюбиво, армяне пользовались у нас полным доверием, были полноправными гражданами, и затем, вдруг, без всяких видимых причин - давай их преследовать! - Подобные административные скачки, безусловно, не естественны, не объяснимы, немислимы! - Если русская администрация, в течение последних 10 - 15 лет видоизменила свой взгляд на армян, то несомненно лишь потому, что со стороны этих последних начали обнаруживаться слишком заметные признаки их политической неблагонамеренности. Они стали как-то преобразаться. Я не буду долго останавливаться над этой метаморфозой. Но, тем не менее упомяну, что русские люди, в начале 1890 годов, были немало удивлены известием об официальном образовании, в Лондоне, англо-армянского союза. Я был тогда в числе тех, которые никак не могли объяснить себе причину подобного [23-24] события. Англо-Армянский союз?!.. Что это такое?.. к чему?.. зачем?..

Около этого же времени, пришлось мне, между прочим, лично присутствовать на похоронах армянского писателя-публициста Арцруни, который умер, можно сказать, в нищете, но за гробом которого следовало восемь катафалок, утопающих в массе роскошных и дорогих венков: их общая стоимость, наверное, была более чем достаточно, для обеспечения безбедного существования Арцруни, хотя бы на закате его дней, когда он нуждался, как говорится, в копейке. Эти демонстративные похороны, как явный продукт деятельности армянских организаций, не прошли без инцидента, которого здесь я Л описывать не стану. Но они впервые заставили меня несколько сосредоточиться над тем, что уже тогда стало именоваться «армянским вопросом».

Вскоре за сим, судьба бросила меня в самый центр армянской пропаганды - в г. Ван (Аз. Турции). Здесь я пробыл до 1904 года, и перед моими глазами миновал самый тяжелый период армянской смуты - осень 1895г. и весь 1896 год. Затем, хотя я должен был распрощаться с Ваном навсегда, но тем не менее, оставался в пределах Аз. Турции и имел возможность довольно близко следить за дальнейшей деятельностью различных армянских агитаторов. А в настоящее время, для меня так ясно, насколько губительна для армянской нации роль их тайных организаций... и я так часто вспоминаю о действительно жалкой участи, по истине, злосчастных турецких армян-сельчан, с которыми я знаком так близко. Горячо свидетельствую, что нет более мирно и честно трудящегося народа! Свидетельствую об его молитвах, направленных к небу!!.. Свидетельствую о посылаемых туда слезных просьбах армян-сельчан, Дабы Господь Бог избавил их, прежде всего, от нашествия бессердечного и бездушного Дашнакцутюна!

И вот, когда слышишь, что подобные организации должны были «волею судеб», перенести свою деятельность в пределы Кавказа, как активный протест против нетерпимого здесь положения вещей, то только удивишься тому смещению понятий, которое существует в головах, может быть, самых интеллигентных представителей [24-25] армянской нации. Я и знаю, кому принадлежит этот дивный оборот речи «волею судеб», Хатисову, или его воспевателю, репортеру «Тифлисского Листка», впрочем в обоих случаях, слова эти весьма знаменательны.

Не меньшее значение имеет также фраза, что деятельность Дашнакцутюна явилась... «как активный протест против того нетерпимого положения вещей, которое создано было на Кавказе кн. Голицыным». Да!.. тысячу раз можно пожалеть о том, что в данном случае имеешь дело лишь с газетной рецензией.

На заседании делегатов были, действительно, своего рода исторические моменты, в которых имя общества Дашнакцутюн достигло своего апогея. Едва ли в будущем оно доживет до подобного торжества!.. Его членам, по всей вероятности, никогда и не снилось, что на публичном заседании, в центре Кавказа, в Тифлисе, их анархическая деятельность не только получит всенародно полную поддержку и одобрение, но будет поставлена куда выше деятельности Кавказской администрации. Хатисов выяснил, что эта последняя должна была окончательно спастись перед тайными армянскими организациями и что, благодаря деятельности именно таковых организаций, был побежден князь Голицын.

Назидательный пример тому, с каким успехом боролись Дашнаканцы!.. и как, вообще, должны бороться с русской властью различные тайные организации.

Вот о чем говорилось и трактовалось на собрании людей, коим была поручена задача изыскать средства для прекращения возмутительной армяно-татарской резни. Тут шла речь о всем, о чем угодно, но только не о насущных мерах для прекращения кровавой смуты. Причины всех бедствий смело валили на голову, не только больших представителей русской власти, но и на малых, и на русскую административную машину вообще: и полиция провокаторская, и чиновники ненадежны и бездеятельны... и судьи никуда негодны... и прокурорская власть не на высоте своего положения... и агенты администрации не одинаково относятся к различным классам населения... институт стражников (земской полиции) не соответствуют своему назначению и пр. и пр. Не было лишь [25-26] речи о том, как заключить между татарами и армянами, более или менее, надежный мир.

Положим, что все возбуждаемые вопросы действительно заслуживают вполне серьезного их обсуждения, известной ломки и переустройства. Но разве можно было заниматься их обсуждением в то время, когда требовалось одно - скорей тушить пожар, а не подливать в него горючего материала; когда русская власть требовала поддержки, а не натравливания на нее еще других народностей Кавказа. Кроме того, все эти вопросы отнюдь не могли явиться предметом дебатов на армяно-татарском совещании, где имелись представители лишь двух Кавказских народностей.

Таким образом, без всякого преувеличения можно сказать, что большая часть времени этих заседаний была посвящена публичному бичеванию Кавказской администрации, для поощрения деятельности общества Дашнакцутюн и ему подобных.

И если к этому прибавить, что бичевание сие происходило перед лицом «Государева представителя» - то, можно себе только представить, по какой наклонной плоскости ниспровергался авторитет русской власти там, где только благодаря этому авторитету и может идти дальнейшее развитие края. Было ли подобное падение авторитета в интересах армян?.. Если да, и они этого добивались, то, в таком случае, можно сказать только одно - какое ребячество и какая недалёковидность лежали в основе этих расчетов. Представим-ка себе, что наступил час вожденный для Дашнакцутюна и других революционных организаций: на Кавказе русской власти нет!.. она ушла на северную сторону Кавказского хребта! Что за сим последует? Современная анархия в Македонии явится лишь слабой тенью того общего кровопролития, которое может здесь произойти, за отсутствием именно этой поруганной русской власти.

V.

Я уже достаточно определенно высказал свой взгляд на деятельность Дашнакцутюна и ему подобных организаций. Все мною вышеизложенное, мне кажется, убеждает [26-27] в том, что с их именем связываются самые анархические моменты в Аз. Турции, где они подвизались впервые, и где их деятельность сосредотачивалась, главным образом, над искусственным созданием анархии. Выясняя теперь главные причины армяно-татарской резни на Кавказе, я твердо держусь того убеждения, что виновниками таковой являются все те же тайные организации, перенесшие «волю судеб» свою деятельность и в пределы Кавказа. Явившись сюда, они не переродились и остались те же... а разъедающая их ненависть к мусульманам легко реализовывалась здесь в целом ряде тех кровавых столкновений, которые прошли по всему восточному Закавказью. Такого же точно мнения держатся и татарские делегаты, с их стороны не слышится ни одного упрека по адресу Кавказских властей. Водворение анархии они приписывают исключительно Дашнакцутюну.

Армяне же всю вину слагают на Кавказскую администрацию. Тон речей Хатисова несомненно свидетельствует об его глубоком и непреложном убеждении, прежде всего, в «преступной бездеятельности Кавказских властей». - Обращаюсь к этому вопросу. Защищать или осуждать этих последних я не стану, ибо мне совершенно не знакомы ни их мероприятия, ни их деятельность. Но поставивши себя даже на точку зрения армянских делегатов, я все таки прихожу к выводам отнюдь не согласным, с их мнением. Допустим, что обвинения Хатисова справедливы. В них нет ничего невозможного. Действительно все, кому на горьком опыте пришлось ознакомиться с нашими административными учреждениями, не могут похвалиться своими хорошими впечатлениями. В этом отношении мы, конечно, очень далеки от какого либо совершенства; и нигде улучшения так не желательны, как именно в нашей административной машине. Мало ли нам известно таких случаев, когда полная инертность и бездеятельность лиц администрации в одной области, сменялась тут же превышением власти, или же не в меру развитым усердием в области рядом лежащей. Нельзя также отрицать и чисто субъективного отношения к делу известной части административных начальников. Все это не подлежит никакому оспариванию! - Очень может быть, что во многих армяно-татарских [27-28] столкновениях наша полиция и наше чиновничество всех степеней заслуживают вполне серьезного упрека. Но в эту эпоху (1904 - 1906), кто ее помнит, ослабление русской власти, а иногда и полное ее отсутствие, было явлением повсеместным. Сколько русских губерний и областей пострадало в это время от господства элементов самых низких... и, вообще, от тех отбросов общества, которые вдруг, по каким-то причинам, получили жизненную силу. Это был тот период, когда для анархической деятельности всевозможных тайных организаций представлялся широкий простор. И беды, постигшие наше восточное Закавказье, могли происходить как «от преступного бездействия власти», так равно и от преступной деятельности главных деятелей смуты - Дашнакцутюна. Какая же из этих двух причин являлась собственно главенствующей?.. Несомненно - вторая. Сам Хатисов свидетельствует о силе Дашнакцутюна в предшествующую эпоху. Сам он говорит, что партия эта была призвана для борьбы против режима князя Голицина. А когда, с уходом этого последнего и с наступлением у нас всяких свобод (свобод, давивших всякого мирного обывателя) власть временно исчезла, Дашнакцутюн явился действительной силой, способной на что угодно. И так как антипатия между татарами и армянами началась не со вчерашнего дня, то, при наличии самого пустого предлога, она могла, при

отсутствии твердой власти, в каждую данную минуту, разразиться открытым столкновением обеих сторон. А при отсутствии энергичных мер для водворения порядка, такие столкновения могли принять какие угодно размеры. Хотя Хатисов и говорит о том, что «бесчисленные прокламации этой партии ставят себе одну задачу самообороны», но мне приходится на это сказать следующее: несмотря на мое довольно близкое знакомство с деятельностью этой партии, я из «бесчисленных» ее оборонительных прокламаций не имел счастья натолкнуться хотя бы на одну из таковых. А между тем приведенная мною выше прокламация того же Дашнакцутюна к представителям европейских держав в Константинополе говорит совершенно о противном. [28-29]

Вообще, миролюбивые тенденции Дашнакцутюну совершенно не свойственны; а во всех тех случаях, когда в каком-нибудь деле можно было обнаружить его присутствие, он всегда действовал не оборонительно, а наступательно. Мне можно возразить, что я не вправе приписывать организации Дашнакцутюна инициативу в создании армяно-татарской смуты, если только я не могу доказать это фактически. Весьма веское замечание!.. Хорошо понимаю, насколько оно основательно. Но если бы я мог располагать в этом отношении наличными фактами, мне не нужно было бы писать всего этого довольно длинного очерка. Если бы подобные факты были у меня, они находились бы также в руках многих. И тогда никаких доказательств виновности Дашнакцутюн в создании армяно-татарской резни и не потребовалось бы. Следя за ходом армянских дел, я здесь высказываю по поводу их свои личные мнения и убеждения отнюдь ни для кого не обязательные. Прав ли я или не прав - каждый может судить по-своему. Очень может быть, что я ошибаюсь, и даже жестоко!.. и заслуживаю справедливых упреков со стороны армян, в большей мере, чем сам упрекаю их делегатов.

В заключение скажу, что с представителем армянских делегатов можно было бы еще согласиться и иметь с ним многие общие точки зрения, если бы, касаясь диагноза причин, вызвавших кровавые столкновения армян и татар, он имел бы мужество признать в этом деле виновность и Дашнакцутюна. Осуждая его деятельность, можно было бы осуждать и Кавказские власти, пользуясь для сего, конечно, более корректными выражениями. С этим мириться было бы легко возможно. Но валить все исключительно на голову администрации, только для того, чтобы оправдать организацию Дашнакцутюн - это означало распалить лишь деятельность этого последнего и совершенно напрасно» унижать положение на Кавказе русской власти. Какова бы она там не была, какими пороками она не страдала бы, но от одной критики ее армяно-татарскими делегатами они бы не исправились. Для ее перерождения нужно слишком много [29-30]. Следовательно, никакая критика делу не помогла бы. Кроме того, в эпоху армяно-татарской смуты власть эта требовала поддержки, а не одного лишь поругания. Татары признавали за ней, по всей вероятности, также не мало грехов. Но они хорошо понимали, что без этой, хотя бы даже греховной власти, Кавказскому краю угрожали самые серьезные последствия. И нельзя не заметить, что на протяжении всех совещаний татарские делегаты всегда были на стороне поддержки власти, а не на стороне ее разрушения.

Вот почему мои симпатии невольно склоняются на сторону закавказских мусульман.

VI

В дальнейших заседаниях татарские делегаты продолжают держаться на прежней почве... «как бы ни была плодотворна деятельность Дашнакцутюна в предыдущие годы», говорили они, «но, за последнее время, он как бы сошел с намеченного пути. С отъездом кн. Голицина, в пределах Закавказья, Дашнакцутюну делать нечего!».

Такого рода заявление, о необходимости распускания Дашнакцутюна, весьма характерны, как по своей наивности, так и потому, что, несмотря на всю силу красноречивых доводов армянских делегатов, о полной, яко бы, безвредности Дашнакцутюна для татар, последние не перестают указывать на это общество, как на главнейший фактор в армяно-татарской расправе на Кавказе. Весьма понятно, что о распускании Дашнакцутюна, сколько-нибудь серьезно, и говорить было нельзя, ибо это общество принадлежит к числу тайных организаций; члены его невидимы, неуловимы и не только не поддаются влиянию какого либо авторитета, но сами держат в гипнотическом состоянии, может быть, даже лучших представителей армянской нации. О сем более подробная речь впереди.

А сейчас, дабы закончить с дебатами, касающимися общества Дашнакцутюна, приведу еще коротенькую выдержку из заявлений Тагионосова: [30-31]

«Не мы создали Дашнакцутюн и не мы можем уничтожить эту организацию; она и ей подобные организации создаются условиями окружающей жизни и когда не будет этих условий, исчезнет сама собой организация Дашнакцутюн. Мы не меньше мусульман будем рады, когда силы, направленные теперь на борьбу с тяжелыми условиями жизни, можно будет отдать на долю мирной культурной работы».

Иначе говоря, Тагионов приглашал всех примириться с существованием Дашнакцутюна, так как это общество пока является вполне необходимым. Возражений не последовало. Становилось ясным, что татарам было не под силу выбить армян из занятой ими позиции, наиболее уязвимый пункт которой оборонялся с таким искусством и виртуозностью, Такого рода обстоятельство побудило одного из армянских делегатов выразить свое полное удовольствие по поводу «общего настроения собрания, мирно и корректно обсуждающего один из важнейших вопросов».

В атмосфере собрания чувствовалось уже полное бессилие татар, когда неожиданно среди них подымается Шахмалиев и, почти с ребяческой наивностью, снова требует распускания Дашнакцутюна.

«Мусульмане не мешали армянам, когда дело шло об освобождении турецких армян!.. (хорошее освобождение прибавлю от себя - бесцельная гибель тысяч жизней и бесцельное разорение не меньших тысяч семей!)... Но теперь деятельность Дашнакцутюна перенесена в пределы нашего края. Этого быть не должно!.. Дашнакцутюн должен быть распущен, как должны быть рассеяны ненужные и вредные мусульманские шайки».

Вслед за ним, стараясь как бы поддержать Шахмалиева, подымается Едигаров; он жалуется на то, что армяне всегда нападают первые, и начинает рассказывать о том, что в Тифлисе недавно зарезали одного мусульманина. Тут сами татарские делегаты прерывают его и не позволяют ему говорить далее. Пользуясь этим небольшим смятением, снова выступает Хатисов:

«В горячей и прочувственной речи он призывает армян и татар протянуть друг другу руки и вместе работать на пользу общего блага и культуры общенародных идеалов [30-31] и вожделий. Но мир, говорит он, может быть только при двух условиях: при взаимном доверии и при условии, чтобы армянам и мусульманам не мешали сближаться и понимать друг друга».

Здесь рецензент «Тифлисского Листка», по всей вероятности, что-нибудь, как говорят, «переборщил», Я позволю себе несколько иронически отнестись к его выражению - о культивировке «общенародных идеалов и вожделий». Наверное он увлекся своим красноречием... ибо что это такое за «общенародные идеалы и вожделия»? Существуют ли в действительности, какие либо общенародные идеалы и вожделия вообще?..

Для татарских делегатов, как полагаю, и для многих читателей, представление о каких-то там «вожделиях» должно было быть довольно смутным. А затем, кто же может препятствовать армянам и татарам сближаться и понимать друг друга... Кавказская администрация?.. старающаяся натравлять одну народность на другую?..

Возражений не последовало. Этим заседанием репортер, видимо, остался очень доволен; по его свидетельству, последняя речь Хатисова «произвела на всех магическое впечатление! Здесь был объявлен перерыв заседаний. Чувствовалось общее хорошее настроение. Многие возобновили знакомство и пр.»...

VII

Я уже говорил, что в течение всех заседаний со стороны татарских делегатов нельзя было обнаружить никаких нападок по адресу Кавказской администрации. Наоборот, казалось, что они были всегда готовы явиться на помощь этой последней для улаживания более затруднительных вопросов. Это особенно рельефно обрисовалось при обсуждении вопроса о возмещении убытков. На эту тему первым держит речь К. И. Хатисов (инженер). Он говорит, что армяне явились на заседание - «не с мечом, а с пальмой мира» что они говорили здесь только одну правду и заканчивает свою речь тем положением, что как мусульмане так в армяне «должны получить каждый свое» (?!). [32-33]

Затем Арутюнов ставит вопрос о том, чтобы были возмещены убытки всех видов.

С. Аракилян доказывает, что только при «таком условии» он может быть уверенным, что подобных погромов не будет.

Далее говорят мусульмане. А. Б. Хасмамедов заявляет, что «мусульмане также согласны в вопросе о возмещении убытков».

...Мы расходимся только в способе их осуществления... По многим делам, во время погромов, виновные обнаружены и привлечены к ответственности. И раз возбуждены уголовные дела, то взыскание убытков административным порядком (при наличии виновных) является невозможным».

Агаев настаивает на рассмотрении первого пункта программы о причине распри - «тогда выясняются и виновники, с которых надо взыскивать».

Карабеков также говорит о том, что без выяснения виновников не может быть вопроса о возмещении убытков. «Мы должны уповать на правительство. В будущем мы все ожидаем от правительства и мы будем помогать ему».

После всех этих заявлений, общее настроение собрания было таково, что генерал Малама (председатель) нашел возможным заявить, что «вопрос этот остается открытым, и потому оставим его на решение Наместника?!».

Но в эту минуту подымается А. И. Хатисов и совершенно неожиданно говорит в том тоне, что, если не последует возмещение убытков - резня снова возобновится... «зная настроение армянского населения по бесчисленным письмам и телеграммам, которые мы, делегаты, получаем ежедневно, я заявляю самым категорическим образом, что если только убытки не будут возмещены, мы не будем в состоянии выполнить свою миссию... Мы заявляем, что для дела мира нужно полное возмещение убытков. Вопрос этот мы ставим на первом плане».

Можно ли с большей ясностью доказать свое желание, поставить Кавказскую администрацию в самое безвыходное положение!.. Бери, где хочешь - но убытки [33-34] (происшедшие от армянских же затей!) возмести!..

И вот, по этому вопросу, снова возникают самые ожесточенные дебаты.

Карабеков уверяет, что такое взыскание со всех не имеет смысла без выяснения виновников. Агаев просит вернуться к первому пункту - узнать кто были виновники... «Раз вы (армяне) придаете такой характер седьмому пункту, то нужно узнать, откуда произошли подобные отношения. У вас (армян) есть неуловимые организации. Они нападают на нас, мы защищаемся. Нас знают все и нас могут заставить заплатить убытки. Я протестую против такой несправедливости».

Затем говорит Топчибашев по поводу проектируемого учреждения комиссий для определения убытков; он весьма вразумительно доказывает, что армяне недостаточно взвешивают этот пункт. «Комиссии на месте будут создавать лишь очаги неудовольствия. Я не представляю себе практического их значения. Кто будет определять убытки?.. Кто будут свидетели? тут мы имеем массовое нападение, а не отдельное покушение на собственность».

Зиатханов (татарин) находит, что ...«если у мусульман есть факторы, которые мешают делу мира - пусть укажут их. Нам говорят, что невозмещение убытков поведет к новым столкновениям... Но разве можно так категорически ставить вопрос о мире в зависимости от возмещения убытков?»...

Хатисов (инженер): «Есть физические виновники, с них должны взыскиваться убытки».

Агаев (татарин): «Доказано официальными учреждениями и лицами, что мы защищались от головорезов и убийц. Так было в Баку, в августе, когда мусульман подстреливали из домов, с крыш... С одной стороны есть организованная армия, которая совершает нападение, с другой - неорганизованные массы... Пусть обеспечат нас от армянских организаций и тогда мы будем говорить о возмещении убытков! Я сам бек и агалар и говорю, что буду поджигать дома, если на меня нападут! Мы требуем распускания организации Дашнакцутюн и всех армянских организаций!! Террор деморализовал наше общество. Я прошу Ваше Превосходительство (обращаясь к [34-35] Генералу Маламе), или разрешить нам организоваться в армию, или уничтожить армянские организации!»...

Затем говорят еще несколько лиц, и за ними в конце А. И. Хатисов, ...«Господа мусульмане говорят об армянах, как о нападающей стороне. Если есть на свете хоть малейшая справедливость, то все скажут, что в Нахичевани, где было убито 45 армян и один мусульманин, не армяне были нападающей стороной. Смешно, когда мусульманские делегаты выставляют себя маленькими детьми, или казанскими сиротами, которых всякий может обижать!»...

Конечно, никто не станет и спорить о том, (даже если бы на свете не было никакой справедливости!), что в Нахичевани армяне потеряли 45 человек, а мусульмане — одного. Но что же это собственно доказывать? Нахичеванские события были далеко позднее Бакинских, Шушинских и пр. им предшествующих; они являются частным случаем в доказательство того, что:

1) нападали и татары... (да никто этого и не оспаривает)... и лучшим примером тому:
2) что (за блестящие подвиги Дашнакцутюна, совершенные им на почве самообороны?) нередко должно было расплачиваться ни в чем неповинное армянское сельское население. Ничего другого Нахичеванские события и доказать не могут. Затем, из всех этих дебатов можно вывести следующие вполне положительные' заключения. Несомненно, что татары поживились на счет армян больше, чем эти последние на счет первых; но сущность дела конечно, не в этом, а в том, что вопрос о возмещении убытков административным порядком был немислим и недопустим. В тех случаях, когда грабителей и ограбленных можно было иметь, так сказать, на лицо, там административные и судебные власти были бы, конечно, к услугам для полного возмещения убытков. Но держаться на почве всеобщего восстановления убытков всех видов, одно определение коих не поддавалось сколько-нибудь корректному учету, это значило, ставить Кавказскую администрацию в положение между двух огней. Речи армянских депутатов доказывали их сильнейшее желание создать для русской власти побольше [35-36] таких задач, которые могли-бы еще сильнее подкосить положение Кавказской администрации. Их ультиматум «убытки не вернете — снова резня»* — к общему благополучию не имел никаких последствий.

VIII

В заключение скажу о той роли, которую в армянском, вопросе сыграла армянская печать. Благодаря ее недобросовестному усердию, армянский народ никогда не мог правильно уяснить себе того, что творили его агитаторы. И благодаря именно печати, истина в армянских делах покрывалась таким густым слоем лжи, через который невозможно было пробиться лучам правды. В данном случае, как нельзя лучше, оправдывалась та истина, что печать, зачастую не служит выразительницей мнения, а наоборот деспотически создает это последнее. Происходит это именно тогда, когда в видах пропаганды известных идей, в этой печати не дается места ничему тому, что могло бы противоречить. Идеи сами по себе, какой бы крайностью они не отличались, для общества не опасны. С идеями каждый волен соглашаться, или не соглашаться, признавать их, или не признавать. Столкновение в печати самых противоположных мнений никому и ничем угрожать не может. Но если, для подтверждения известных идей, их начинают иллюстрировать измышлением массы «вполне констатированных и неопровержимых фактов», не имеющих, на самом деле, ничего общего с действительностью, то обществу приходится, волею-неволею, считаться уже не только с идеями, но и с фальшивыми фактами. Допуская их наличность, приходится видоизменять свое настроение, не только отдельным лицам, но и целому обществу... целому народу!.. И нет той самой наглой лжи, которой большинство не поверило бы, если только печать деятельно [36-37] примется за ее распространение.** Армянскому народу пришлось испытать на себе всю тяжесть именно такого положения, т. е. своего заблуждения, основанного на сплошном ряде извращенных, или до нельзя раздутых фактов.

Если бы кому нибудь удалось собрать все то, что за последние 15 - 18 лет публиковалось по армянскому вопросу, то собранный материал легко можно было бы резюмировать в тех же самых выражениях, в коих репортер «Тифлисского Листка» формулирует, хотя бы, речи Хатисова, а именно: в печати собирался и группировался бесконечный ряд вполне констатированных сведений и фактов, доказывающих:

1) что армяне стонут под гнетущим игом невыносимо тяжелого турецкого режима.
2) что, благодаря вопиющей несправедливости русской власти, армяне стонут и на Кавказе, и поэтому:

3) армяне вынуждены защищать свои жизненные и культурные интересы, дабы, хотя в открытой борьбе с правительственной властью добыть себе права человеческого существования.

Вот в нескольких словах сущность тех тем, на которые писали различные авторы, в различных цензурных и нецензурных органах армянской печати. Встретить в ней что-нибудь идущее в разрез с таковой программой - почти невозможно. Почему же это происходит? - Потому, что армяне, действительно «стонут и страдают под гнетом русской и турецкой

---

* Иначе говоря « ультиматум», адресованный сами себе!

** Хороший пример сему - наши славянофильские утопии: благодаря именно печати, мы ополчились в 1875 - 1877 годах отстаивать сперва наших братьев, затем болгар, являющихся теперь в пределах Балканского полуострова, нашими злейшими врагами. И когда об этом говорят люди, хорошо знакомые с Б[лижним] Востоком и с растущими здесь христианскими государствами, - никто им уже не верит. Такова сила печати, недопускающая противных мнений!

администрации?!»... Потому, что они лишены прав человеческого существования?!.. Да, отнюдь же нет. - На такую тему пишут и говорят только одни армянские пропагандисты и непрошенные радетели армянского вопроса. Если в печати они не [37-38] получают надлежащей отповеди, то это еще не может служить доказательством их правдивости. Это доказывает лишь, что в печати отсутствуют мнения противоположные и только! - О чем, конечно, нужно пожалеть. Почему именно отсутствуют - разъяснению этого вопроса я уделяю несколько строчек далее. Здесь же отмечу, прежде всего, что я не ставлю себе задачей подробно рассмотреть, насколько вообще была лжива армянская печать в деле агитации и описания, ну хотя бы всего того, что происходило в период 1894 - 1897 г.г. в Аз. Турции. Я хочу здесь не только высказать, но и хорошо подчеркнуть ту мысль, что распространение по армянскому вопросу, главным образом, лжи и вывело на ложный путь всю армянскую нацию, смутило умы, может быть ее лучших представителей, сбило с толку сотни армян, оторвало от полезного дела тысячи рук и направило их на создание анархии - на создание тех нескончаемых бедствий, которые пришлось перенести армянам-сельчанам Аз. Турции и от которых затем пострадали и армяне Закавказья.

Еще раз хочу повторить, что пропаганда каких угодно, даже вполне сумасбродных идей, не может особенно угрожать обществу, если только пропаганда эта не иллюстрируется искусственно создаваемыми, и донельзя раздуваемыми, фактами, и если в печати существует» всестороннее обсуждение таковых идей. В армянском вопросе ни того, ни другого именно и не было. Армянские агитаторы нигде не находили себе даже слабого отпора - ни в обществе, ни в печати.

Почему?..

Причины были следующие: агитируя за права человеческого существования, агитируя в пользу освобождения своих собратьев в Аз. Турции, «стонущих под гнетущим игом невыносимо тяжелого турецкого режима», армянские пропагандисты уже по одному существу этих идей и не могли встретить сколько-нибудь серьезного противодействия! - Никто, собственно, не был хорошо осведомлен, насколько армяне вообще лишены человеческого существования, и насколько тяжело их положение в Аз. Турции. Всякий рассуждал, что если в этом отношении армянские пропагандисты немного может [38-39] быть, пересаливают - не беда! Делается ведь это от избытка патриотизма... из желания добра!.. Значит, у кого же, собственно, могла явиться особая охота доказывать, что армяне вообще не лишены человеческих прав существования, что они «уж не особенно стонут под гнетущим игом турецкого режима» и «что отнюдь не страдают от вопиющей несправедливости Кавказской администрации».

Но все это лишь одна сторона рассматриваемого вопроса. Проникновению истины, не только в печати, но и в среду армянского общества, препятствует еще нечто, не менее серьезное, а именно: главным орудием тайных армянских организаций, с самого начала их зарождения, был террор, террор в виде той невидимой опасности, которая угрожала каждому, кто осмелился бы не соглашаться, порицать, осуждать, или не исполнять решений и требований известной организации.

В этом отношении армянский народ поистине заслуживает самого сердечного участия, ибо в течение последних 12 - 15 лет, он находился под гнетом террора своих собственных революционных обществ. Этот гнет, действительно, нечто более тягостное, чем вопиющая несправедливость русской администрации или «невыносимо тяжелый турецкий режим». - Для тех, кто незнаком с деятельностью тайных армянских организаций, это будет казаться невероятным... парадоксальным!.. Но в таком положении нет ничего невероятного. Знакомство с деятельностью тайных армянских организаций приводит к тому заключению, что деспотизм этих представителей либерализма может служить лучшим образчиком деспотизма вообще. Армянские пропагандисты никогда не признавали над собою никакого контроля, ни в каком отношении. Всякое решение тайных революционных организаций, и даже отдельных агитаторов, являлось для армянского народа чем-то безапелляционным. Против их деятельности никто из армян не мог, да не может еще и до сей поры, обмолвиться ни одним словом, ни в печати, ни в обществе. Каждая попытка в этом направлении могла строго осуждаться, как признак отсутствия должного патриотизма, это во-первых; а во-вторых - могла караться в иных случаях, ни более, ни менее, как смертным [39-40] приговором, от которого присужденных не могли спасти, ни административные, ни полицейские меры, ни меры личной предосторожности. Армянскому народу приходилось иметь дело с чем-то невидимым и неосязаемым, А так как невидимая опасность всегда кажется страшнее и серьезнее видимой, то легко себе представить, с каким успехом можно было применять это орудие - невидимой опасности в тех случаях, когда шел, например, сбор денежных сумм на дело революционной пропаганды или же требовалось заглушить протест людей, бравших на себя

мужество критиковать или осуждать деятельность тайных революционных обществ. Сколько жертв отдано армянским народом в угоду ненасытного деспотизма этих последних?.. Вопросом этим, по всей вероятности, никто никогда и не интересовался. А между тем, как ярко мог бы иллюстрировать деятельность армянских патриотических организаций один лишь печальный некролог тех жертв, кои пали только по одной прихоти различных негласных, и мало кому известных вождей революционного движения. Я не стану делать здесь даже попытки перечисления таковых жертв. Но для обрисовки того бессердечия и той жестокости, до которых доходили многие загипнотизированные народные агитаторы, я не могу не упомянуть имени лично армянского епископа Богоса. Он погиб, можно сказать, на моих глазах, под ножом одного из представителей тайных армянских организаций, в день самого большого армянского праздника, 6-го января 18 года: погиб лишь за то, что имел мужество предостеречь Ванскую молодежь от слишком уже большого увлечения делом революции, - делом мало подготовленным и не обещавшим для турецких армян ничего хорошего. Один из Венских революционных комитетов нашел подобную пропаганду слишком зловредной и для наглядного примера и устрашения других, казнил одного из лучших представителей армянской церкви, именно в тот момент, когда он рано утром шел на богослужение. Убийцы епископа Богоса никогда не были открыты, как не были найдены сотни других убийц, исполнявших заочные приговоры неизвестных армянских коноводов и агитаторов. [40-41]

Таким образом, в деятельности армянских тайных организаций получается невозможный абсурд. Ратуя за свободу и права армянского народа, эти злополучные для него организации, прежде всего сами лишают весь народ прав его личной свободы, прав голоса, прав апелляции, прав самозащиты, а затем, в период искусственно создаваемой ими анархии - и прав человеческого существования. Даже более видные представители армянской нации не имели возможности открыто исповедовать свои идеи, раз они не соответствовали идеям армянских организаций. После этого, какое же значение могли иметь голоса обывденных граждан? - Правом голоса мог пользоваться лишь тот, кто лишался возможности правильно рассуждать и, под влиянием гипноза, поступал в ряды тайных организаций.

В этом порабощении армян, своими же собственными собратьями-пропагандистами, и заключается смысл тех печальных явлений, разгадки коих многие ищут и не находят.

IX

Я неоднократно употреблял здесь слово гипноз, отнюдь не желая злоупотреблять подобным выражением. Значение гипноза в человеческой жизни, с каждым днем выясняется все более и более; мы постепенно знакомимся с этим новым, или вернее, доселе мало известным фактором, регулирующим самые, сложные общественные явления. Каждый человек обладает, в известной степени, этой невидимой силой и, в свою очередь, неминуемо подвергается гипнозу окружающих. Мы совершенно незаметно подчиняемся влиянию отдельных лиц и иногда подчиняемся настолько, что оказываемся уже совершенно неспособными освободиться от этого влияния. Такого рода наблюдение могут производить над собою многие. Нам кажется, что на известную тему мы мыслим, соображаем и рассуждаем вполне самостоятельно; но, зачастую, это лишь самообман, ибо большая часть наших мнений, убеждений, понятий и суждений слагается, главным образом, под влиянием гипноза, не только людей, [41-42] но также и тех идей, которые появляются в известного общества.

Говоря о всем этом, а нисколько не удаляюсь от поставленной себе задачи. Напротив того, все мною здесь сказанное прямо пойдет лишь к более яркой иллюстрации армянского вопроса, как в Турции, так я на Кавказе.

Можно ли сомневаться в том, что огромное число лиц, принадлежащих к различным революционным обществам, находится под гипнозом овладевающих ими идей? Можно ли сомневаться, что главные руководители армянского движения находились под гипнозом идей, культивированных, главным образом, в Лондоне?*. Что все их безумные деяния, в период 1894 - 1896 г.г., являются результатом их непоколебимого убеждения в том, что Европа, во главе с Англией, обязательно вмешается в дела Турции и устроит здесь несколько вилаетов (в которые

---

* Это один из весьма важных вопросов... я обхожу его подробности, ибо они потребовали бы, пожалуй, не меньше страниц, чем то их число, которое заключается в настоящей статье, что, конечно, было бы неуместно для теперешней моей работы. В будущем, может быть, мне удастся изложить этот вопрос вполне обстоятельно.

входит известная часть армянского населения) на совершенно особенном положении. Можно ли сомневаться в том, что и армянские делегаты находятся под гипнозом тех же идей Дашнакцутюна и связанной с ними ненависти к русской власти.

Эпоха так называемых «grand massacres» в Аз. Турции отошла уже некоторым образом, в область истории и приняла уже известную перспективу, для правильной и беспристрастной ее оценки. В данное время, не только Хатисов, но и все армяне вообще, не должны были бы сомневаться в том, что хаос и анархия в вилаятах, населенных армянами, были созданы не курдами и турками, а именно армянскими же агитаторами. С деятельностью их прекрасно знаком и г. Хатисова. Но утверждать, что пагубная (как для турецких, так и для кавказских армян) деятельность молодежи Дашнакцутюна должна была волею судеб, явиться как активный протест [42-43] того нетерпимого положения вещей, которое было создано кн. Голицыным, что Дашнакцутюн борется за права человеческого существования армян... что деятельность его похвальна во всех отношениях... Говорить и утверждать подобные положения можно только в состоянии гипноза! Деятельность тайных армянских организаций стоила армянам такого количества бесполезно пролитой крови, слез и материального благосостояния, которое никогда, и ничем, не может окупиться в будущем. Ставить деятельность этих обществ выше деятельности Кавказской администрации, как бы ни была плоха эта последняя, значить - обнаруживать свое вполне гипнотизированное состояние.

Я не хочу повторяться, но я невольно склонен еще раз напомнить о том, что 29 - 30 лет тому назад, все армяне принадлежали к числу совершенно полноправных русских граждан. Чего больше могло бы желать какая угодно национальность, входящая в состав русского государства? Но такое положение стало видоизменяться именно с тех пор, когда под влиянием английского гипноза, стали нарождаться совершенно ненужные для армян тайные организации. С пагубной деятельностью их мы уже знакомы. И кто может определить заранее, сколько еще зла принесут армянскому народу эти патриотические организации в будущем!

Вот каковы последствия смертоносного дыхания английской политики - всегда определенно знающей, чего именно она добивается, и не стесняющейся никакими средствами для достижения намеченной цели.

Совершенно справедливо говорят: «кто идет за одно с Англией, тот работает, прежде всего, против себя же» ...что «Англия никогда не протянет своей руки тому, кому она может быть полезной»... что «все, пользующиеся услугами Англии трудятся исключительно на ее пользу».

Гладстон, распинавшийся о бедствиях армян, не имел к ним ни малейшего сожаления!.. Он хорошо понимал, на какой тернистый путь выводилась эта нация... и как созданные, отчасти именно его гипнозом, его проповедью и его стараниями, армянские смуты [43-44] должны были коснуться, прежде всего, нашего Кавказа, который англичане уже давно стремились наградить зародышами национальностей, могущих получить здесь самое широкое развитие. Затем те же смуты должны были продолжать - «расшатывание Турции»... той самой Турции, которую Англия, незадолго перед тем, поддерживала, и которая постепенно стала утрачивать свою роль верного, на Востоке, противовеса России. Из-за Турции, на ее развалинах, поднимались молодые христианские государства. Англия хорошо поняла, что это будут лучшие, и более надежные, нежели турки, враги России. Поняла, что наследство Турции, со стороны Кавказа, не обогатит Русское государство и что движение в этом районе нашей границы на юг послужит не к увеличению русского могущества, а напротив к его умалению.

Этих истин русские люди, к сожалению, и по сей день достигнуть не могут! Не могут понять и того, что слабость России уже и теперь сказывается в ее обширности, напоминающей обширность когда-то непомерно великой Римской империи.

20 апреля 1908 года.

Прошло более 2½ лет с тех пор, как были написаны эти страницы. Перечитывая их теперь снова, я еще с большей настойчивостью могу утверждать, что «Дашнакцутюн» и ему подобные общества являются главными источниками бедствий армянского народа, как в Турции, так и на Кавказе. Эти тайные армянские организации совершенно видоизменили прежние добрые отношения, как армян к русским, так и обратно. И дальнейшее существование «Дашнакцутюн», «Гнчака» и других обществ будет вечно грозить армянскому населению все новыми и новыми бедствиями, даже и в конституционной теперь Турции.

20 декабря 1908 года.

Перечитывая еще раз эту рукопись, я невольно опять задаю себе те же вопросы: сколько слез, сколько страданий, сколько человеческих жертв, не говоря о жертвах [44-45] материальных, стоило для армян деятельность их тайных организаций? И каким бы благоденствием, каким бы блестящим положением пользовалась армянская нация, если бы не существовало Дашнакцутюна и ему подобных обществ?.. и если бы армяне не сходили с того пути, на котором они находились во время Лорис-Меликова, Тергукасова, Лазарева, Деянова и других лучших своих представителей!..

Не было бы теперь и несчастных беженцев, не было бы нового возмутительного кровопролития в Ванском. Битлинском и других вилаетах Аз. Турции. Примером сему могут служить греки - у них нет никаких тайных организаций... и только благодаря отсутствию таковых, они повсюду в Турции пользовались вполне достаточным благополучием, даже в эпоху открытого вооруженного столкновения Греции с Турцией в 1897 и 1912 г.г. Таким же положением могли бы пользоваться армяне, если бы у них за спиной, волею судеб, не появились совершенно непрошенные, заморские друзья-предатели, наградившие армянскую нацию такими идеями о коих в Англии забыли уже давно, но пагубное действие коих для армян сказывается еще и поныне.

1 июля 1915 года.

В.МАЕВСКИЙ.